

бу Ростиславичу (умер в 1177 г.), поскольку местом ее находки была Рязань⁶.

Думается, однако, что вопрос о принципиальной принадлежности рассматриваемых булл не следует решать столь прямолинейно. Многое зависит здесь от предваряющего принципиальную атрибуцию решения вопроса о хронологии этих печатей. Если они действительно употреблялись на протяжении того длительного времени, какое не отрицал для них Н. П. Лихачев, т. е., по крайней мере, от второй половины XI в. до конца XII в., тогда вряд ли ко всем экземплярам можно подходить с одинаковой меркой. Во второй половине XI в. типы печатей постоянно варьировали и смешивались. Но уже с начала XII в. богородичное изображение прочно утверждается на буллах духовных лиц и становится наиболее заметным их отличительным признаком. Следовательно, для рассматриваемых печатей в случае их датировки XII в. — более вероятной окажется церковная принадлежность, в случае же более ранней датировки такая предпочтительность не обязательна.

Существует вместе с тем одно обстоятельство, которое дает нам возможность настаивать на принадлежности большинства таких булл духовным лицам, несмотря на то, что они помечены несомненными княжескими именами. Чтобы познакомиться с этим обстоятельством, нам нужно обратиться к одному любопытному и уже разобранному выше памятнику другого сфрагистического типа.

В 1951 г. в Новгороде при археологических раскопках была найдена булла (№ 225), конкретная атрибуция которой не была предпринята ни при ее первом⁶, ни при повторном издании⁷. Булла размером 27—28 мм, отличающаяся архаическими признаками, которые выражены, в частности, в припухлости краев, характерной для многих печатей XI — начала XII в., имеет на одной стороне изображение св. Василия в полный рост, а на обороте — такое же ростовое изображение св. Лазаря. Относительная древность этой печати подтверждается и стратиграфическими условиями ее находки. Она обнаружена в слоях, дендрохронологически датированных 1178—1197 гг., но в землю попала спустя, по всей вероятности,

значительный срок после ее прямого использования при документе. На печати имеется небольшое отверстие в верхней части кружка — след вторичного использования буллы в качестве натального образка. Любопытно, что набор имен на печати точно соответствует именам, запечатленным на берестяных грамотах тех же слов и той же усадьбы, на которой была найдена печать. Булла происходит из 17 яруса, а в 18 ярусе (1161—1177 гг.) обнаружены грамоты № 9 («От Гостыты к Васильви») и № 86 с надписью «Лазоря». Вероятно, превращение буллы в образок имело побудительной причиной совпадение имени одного из владельцев усадьбы с именами печати.

Как бы то ни было, а согласное показание стратиграфии и технических особенностей печати заставляет искать ее владельца во времени не позднее первой половины XII в. В этом периоде существует одно сочетание имен, полностью совпадающее с обозначенными на нашей печати. Мы имеем в виду переяславского епископа Лазаря, хиротонисанного в 1105 г. и умершего в 1117 г.⁸ На протяжении всей своей святительской деятельности епископ Лазарь был современником и сподвижником князя Владимира Мономаха, называвшегося в крещении Василием, бывшего переяславским князем с 1094 по 1113 г. и киевским с 1113 по 1125 г.

Приписывая найденную в Новгороде печать с изображением святых Лазаря и Василия переяславскому епископу Лазарю, мы тем самым обнаруживаем, что организационная структура русских епархий в изучаемое время могла быть более сложной, нежели принято ее представлять себе. Епископы могли находиться не только в иерархическом подчинении митрополиту, но и обозначать на своих буллах свою зависимость и взаимосвязь с наличным князем, осуществлявшим политическую власть на той территории, в границы которой входили их епархии. Если наше определение печати с изображением святых Лазаря и Василия правильно, то эту буллу мы, по-видимому, должны воспринимать как печать епископа, который в то же время был и княжеским советником. Практически в ее оформлении проявляется тот же принцип, который присущ оформлению булл протопроедров: сочетание имен или изображений разных лиц, находившихся в политическом подчинении одно другому. Точно такой же принцип применен и в рассмотренных в предыдущей главе печатях тысяцких, на которых изображены патронального святого вла-

⁶ Н. П. Лихачев, *Материалы для истории византийской и русской сфрагистики*, вып. 2, стр. 275—276.

⁷ В. Л. Янин, *Печати из новгородских раскопок 1951 г.*, М., 1953, стр. 379—380, № 7.

⁸ В. Л. Янин, *Визские печати из новгородских раскопок 1951—1954 гг.*, МИА, № 55, 1956, стр. 160—161, № 46.

⁹ ПСРЛ, т. I. Изд. 1, стр. 119, 128; т. II. СПб, 1843, стр. 8, 287, 291; т. VII, стр. 20, 24.